ISSN 1998-5320 (Print)
ISSN 2587-943X (Online)
Наука о человеке: гуманитарные исследования Т. 18 ▪ № 3 ▪ 2024
Филологические науки

УДК 811
DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.3.6
Научная статья

Д. А. Стрекалов[1]
✉ paperbacknowriter@gmail.com
[1]Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Многозначность высказывания как причина коммуникативной неудачи

Аннотация: В статье рассматриваются многозначные лексические и синтаксические единицы с точки зрения успешности/неуспешности коммуникации; выявляются и описываются особенности функционирования многозначности в рамках высказывания. Материал исследования представлен фрагментами диалогов из художественных произведений отечественной литературы XX века, содержащих одновременно коммуникативную неудачу и многозначность. Предполагалось, что различные противоречия (такие как комедия положений), которыми зачастую наполнены художественные произведения, будут иметь в своей основе коммуникативную неудачу, порожденную многозначностью. В рамках исследования была разработана классификация многозначности в аспекте коммуникативной неудачи: синтаксическая, референциальная и качественно-количественная многозначность. Рассмотренный в ходе исследования материал позволяет утверждать, что многозначные лексические и синтаксические единицы необходимо использовать с осторожностью, если целью общения является коммуникативный успех.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативная неудача, многозначность, полисемия.

Дата поступления статьи: 29 декабря 2023 г.

Для цитирования: Стрекалов Д. А. (2024) Многозначность высказывания как причина коммуникативной неудачи. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 3, с. 66–74. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.3.6.

Scientific article

D. A. Strekalov[1]
✉ paperbacknowriter@gmail.com
[1]Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

The polysemy of an utterance as a cause of communicative failure

Abstract: The article considers polysemous lexical and syntactic units from the point of view of success/failure of communication; the peculiarities of polysemousness functioning within an utterance are revealed and described. The material of the study is represented by fragments of dialogues from fiction works of Russian literature of the XX century, containing simultaneously communicative failure and polysemousness. It was assumed that various contradictions (such as the comedy of clauses), which artistic works are often filled with, will have in their basis the communicative failure generated by polysemousness. The study developed a classification of polysemousness in the aspect of communicative failure: syntactic, referential and qualitative-quantitative polysemousness. The material considered in the course of the study allows us to assert that polysemous lexical and syntactic units should be used with caution if the goal of communication is communicative success.

Keywords: communication, communicative failure, polysemy.

Paper submitted: December 29, 2023.

For citation: Strekalov D. A. (2024) The polysemy of an utterance as a cause of communicative failure. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 3, pp. 66–74. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.3.6.

© Д. А. Стрекалов, 2024

Введение

Многозначность слов и целых конструкций речевых отрезков разной длины является одной из основных проблем речевого общения и может приводить к недопониманию и конфликтам. Справедливо любое высказывание считать потенциально многозначным исходя из «уникальной совокупности всех знаний и представлений каждого человека» (Карасик, 2011). Отправитель сообщения использует уникальный способ кодировки смыслов и значений, заключенных в его высказывании, а получатель сообщения – уникальный способ декодировки. Чем больше различий между способами кодировки и декодировки сообщения, тем вероятнее наступление коммуникативной неудачи. И. А. Стернин иллюстрирует явление многозначности высказывания удачным примером: «Предположим, юноша с девушкой гуляют вечером в парке и она говорит: “Что-то холодно стало...”. Юноша может понять это высказывание как просьбу обнять и согреть девушку, но она может оттолкнуть его руку и назвать нахалом: – “Я вовсе не это имела в виду! Я хотела сказать, что пора идти домой!». Проверить, действительно ли она имела это в виду, невозможно (Стернин, 2001).

Традиционно в лингвистике принято выделять несколько уровней многозначности: морфологический, синтаксический, семантический, уровень сверхфразовых единств и т. д. (Бондарко, 1996). Значительный вклад в изучение многозначности в коммуникативном ключе был сделан Л. Голетиани. Исследовательница подчеркивает внутреннюю связь многозначности и непонимания: «...под многозначностью/неоднозначностью в узком смысле слова понимается свойство языковой единицы принимать более одного системно-языкового значения», в свою очередь, при возникновении коммуникативной неудачи «собеседники актуализируют различные системно-языковые значения» (Голетиани, 2003). Исследование В. К. Прокопени посвящено референциальной неоднозначности, которая возникает тогда, «когда сразу несколько референтов могут претендовать на роль антецедента местоимения» (Прокопеня, 2016). Изучая синтаксическую многозначность, Н. А. Секерина выделила два типа многозначных предложений – глобально многозначные (многозначны всегда, вне зависимости от контекста) и временно многозначные: во время их восприятия до определенной позиции возможны несколько представлений, однако после этой позиции многозначность разрешается в пользу одного представления (Секерина, 1996). Таким образом, Н. А. Секерина обратила внимание на динамику смыслов в разворачивающемся дискурсе: контекст снимает многозначность, однако это происходит не всегда.

С учетом результатов исследователей данной темы (Л. Голетиани, Н. А. Секерина, В. К. Прокопеня) были разграничены основные языковые уровни, на которых многозначность является причиной коммуникативных сбоев, – уровень предложения и уровень слова. Синтаксическая многозначность – различное представление о смысле целого предложения. На лексическом уровне многозначность, связанная с механизмами референции, была отграничена от «многосмысленности» слов, обусловленной различными представлениями участников коммуникации о качественных признаках понятия, обозначенного словом, и/или количественных проявлениях данных признаков. Применительно к случаям, подходящим под сигнификативный аспект многозначности, нами был предложен рабочий термин «качественно-количественная многозначность». Итак, синтаксическая многозначность – различное представление о смысле целого предложения; референциальная многозначность – «претензия сразу нескольких референтов на роль антецедента местоимения» (по В. К. Прокопене); качественно-количественная многозначность – различное представление о качественных либо количественных характеристиках понятия.

Под неуспешной коммуникацией подразумевается коммуникативная неудача (далее – КН). А. А. Потемкин считал, что КН – своего рода сбой в общении, в котором речевые высказывания не выполняют поставленных перед ними задач. Причины возникновения КН ученый видел, во-первых, в неверном толковании слова, ошибочной расстановке отрицаний и неверном выборе референта (Потемкин, 1994). Е. К. Теплякова определяет КН как недостижение коммуникативной цели инициатором общения вследствие неадекватной вербальной или невербальной реакции со стороны партнера по коммуникации. В лингвистическом поле автор прежде всего выделяет

языковые средства, связанные с нарушением ясности выражения, – среди них многозначные слова, слова с расширенным значением, пространные высказывания и местоименные наречия (Теплякова, 1998). Э. Варонис, С. Бэнкс, Г. Ге, Дж. Бэйкер, Дж. Виман, Х. Джайлс и Н. Купланд рассматривают КН как неуспешное взаимодействие на уровне культуры, то есть рассматривают самый глубинный аспект проблемы, обращаясь к расхождению в формальном употреблении языковых единиц. Таким образом, авторы выделяют социальный, культурный и психологический аспекты, уделяя меньшее внимание языковому компоненту (Varonis, 1985; 1991; Banks, Ge, Baker, 1991; Wiemann, Giles, Coupland, 1991). В других исследованиях внимание уделяется исключительно социальному аспекту – полу, возрасту, расположению индивида в иерархической системе социальных отношений (Henley, Kramarae, 1991; Ochs, 1991; J. Coupland, Nussbaum, N. Coupland, 1991; Bell, 1991; Eisenberg, Phillips, 1991). В центр внимания работы С. Е. Поляковой помещены причины КН. Она выделяет три типа КН: КН, порождаемые устройством языка, КН, порождаемые различием говорящих, и КН, порождаемые прагматическими факторами (Полякова, 2012). В настоящем исследовании используется в качестве рабочего определение КН, предложенное Е. К. Тепляковой.

Цель настоящего исследования – описание многозначных лексических и синтаксических единиц с точки зрения успешности/неуспешности коммуникации. Мы ставим своей задачей выявление особенностей функционирования многозначности в границе высказывания и оценку речевых реакций на многозначные высказывания.

Методы

На этапе формирования эмпирической базы исследования применялся общенаучный метод наблюдения. Материал составили диалогические единства из художественных произведений отечественной литературы XX века, содержащие одновременно КН и многозначность. При отборе материала мы исходили из того, что важной составляющей художественного произведения являются различного рода конфликты и противоречия, в том числе комедийного толка, – например, курьезные ситуации, в которые попадают герои комедии положений. Предполагалось, что их речевой составляющей и, возможно, причиной являются КН, порожденные многозначностью. Основным методом исследования явился контекстуальный анализ (рассматривался контекст фрагмента художественного произведения). В зависимости от анализируемых видов многозначности использовался интент-анализ, семантико-синтаксический анализ высказываний, референциальный анализ именных групп.

Результаты

Качественно-количественная многозначность

Под качественно-количественной многозначностью понимаем различные представления участников коммуникации о составе качественных признаков понятия, обозначенного словом, и/или их количественных проявлениях. При этом, в отличие от традиционного узкого понимания многозначности и ее негативных коммуникативных эффектов (Голетиани, 2003), исходим из того, что речь может идти об одном и том же системно-языковом значении слова. Рассмотрим соответствующие примеры:

(1) *Горбушкин. А я разве сказал, что я при чем? Дура какая. Вообще говорю: за расхищение – высшая мера. Жена. А чего ты* ***расхищаешь****-то? Подумаешь! Раз в год* ***какое-нибудь гнилье*** *принесет и после этого газеты читать не может – ему высшая мера снится* (Зощенко, 1978).

В системе языка расхищать – значит незаконно присваивать что-либо себе (как правило, пользуясь служебным положением). В диалоге «расхищать» это понятие становится многозначным из-за разной количественной оценки фактически осуществляемого действия по количественному признаку. По мнению Горбушкина, количество присвоенного им имущества можно считать расхищением, а по мнению его жены – нет.

(2) *«ХОРОШИХ. Павел!* ***Как*** *с людьми разговариваешь? ПАШКА. Нормально,* ***как*** *мне еще разговаривать? По иностранному, что ли? А то я могу. (Лицом и корпусом подался к Шаманову.)*

Хау ду ю ду – это по-английски, а по-русски это значит – не суйся не в свое дело. Правильно?» (Вампилов, 1999).

Качественно и количественно значение глагола «разговаривать» можно рассматривать исходя из множества параметров, таких как громкость, внятность, «цензурность» и т. д. В рассмотренном случае отправитель сообщения руководствуется параметром вежливости, а получатель – параметром используемого языка.

(3) *По ту сторону дверей Вольку встретил сияющий Хоттабыч. Он был весел, как жаворонок, очень доволен собой. – Заклинаю тебя, о юный мой повелитель, – сказал он, обращаясь к Вольке, –* ***потряс*** *ли ты своими знаниями учителей своих и товарищей своих? – Потряс, – ответил, вздохнув, Волька и с ненавистью посмотрел на старика Хоттабыча. Старик Хоттабыч самодовольно ухмыльнулся* (Лагин, 2015).

«Потрясти» в значении «вызвать чрезвычайно сильные эмоции» потенциально имеет множество смысловых оттенков с точки зрения их качественного проявления. Отправитель сообщения имеет в виду «приятно удивить, сильно обрадовать», а получатель – «шокировать», сильно разочаровать».

(4) *– А-а! Вы* ***историк****? – с большим облегчением и уважением спросил Берлиоз. – Я –* ***историк****, – подтвердил ученый и добавил ни к селу ни к городу: – Сегодня вечером на Патриарших прудах будет интересная история!* (Булгаков, 2017).

Берлиоз, используя слово «историк», определяет собеседника как человека, профессионально изучающего историю, в то время как Воланд передает смысл ‘предсказывающий, или, скорее, создающий историю’, то есть актуализирует неузуальное значение, обусловленное спецификой персонажа и его картины мира.

(5) *Министр.* ***Увы****, государь! – Администратор. Слава богу! – Министр. На бумаге нет креста! – Администратор.* ***Зачем же было кричать «увы»****, болван!* (Шварц, 2010).

(6) Горбушкин с женой сидят за самоваром. Горбушкин просматривает газету. *Горбушкин (читая). Ого... Эва как... Фу ты, фу ты... Ишь ты, как... Жена. Ну, чего еще? Горбушкин (читает). Фу ты, фу ты... Ого, ого, ого... Ух ты, ух ты, ух ты. Жена. Да говори ты толком – чего еще? Горбушкин (читает). Ух ты... ух ты... М-да... Вот так да... Угу. Жена. Ну, мне буквально* ***дурно делается от твоего мычанья****... Ну?* (Зощенко, 1978).

В (5) и (6) причиной КН становится использование одним из персонажей междометия, которое по определению выражает широкий спектр эмоций. Например, междометие «ух ты» в (6) может сигнализировать об удивлении, о радости, об огорчении либо о других эмоциях. Эта многозначность приводит к неопределенности, которая, в свою очередь, нарушает постулат ясности П. Грайса (Grice, 1975). Жена Горбушкина реагирует раздраженно: она не получает ожидаемой информации, что ведет к КН.

(7) *Аннунциата. Ну, что вы скажете, доктор? Как идут его дела? – Доктор.* ***Плохо.*** *– Аннунциата. Ну вот видите,* ***а он говорит, что совершенно здоров****. – Доктор.* ***Да, он здоров. Но дела его идут плохо.*** *И пойдут еще хуже, пока он не научится смотреть на мир сквозь пальцы, пока он не махнет на все рукой, пока он не овладеет искусством пожимать плечами* (Шварц, 2010).

Фраза «как идут его дела» имеет явный полисемантический потенциал по крайней мере из-за широкозначности слова «дела». Этот потенциал раскрывается в диалоге: один собеседник имеет в виду выздоровление человека, а другой – дела в прямом смысле этого слова.

(8) *Администратор. Самый лучший способ утешить принцессу – это выдать замуж за* ***человека, доказавшего свою практичность, знание жизни, распорядительность и состоящего при короле****. – Король. Вы говорите* ***о палаче****? – Администратор. Что вы, ваше величество! Я его* ***с этой стороны и не знаю совсем****... – Король.* ***Узнаете.*** *Аманда!* (Шварц, 2010).

Администратор предлагает королю отдать принцессу замуж за человека «доказавшего свою практичность, знание жизни, распорядительность и состоящего при короле», при этом явно подразумевая себя. Однако, по мнению короля, этим качествам удовлетворяет не администратор, а палач.

Рассмотренные речевые фрагменты демонстрируют, что несовпадение представлений собеседников, касающихся одного системно-языкового значения слова, приводит к КН. Причиной различного толкования прежде всего стоит считать разницу картин мира собеседников, которая, в свою очередь, объясняется разными социальными, гендерными, возрастными и прочими характеристиками персонажей. Например, в диалогах (1) и (6) один из собеседников – мужчина и заведующий складом, а другой – женщина и домохозяйка. В диалоге (3) общаются мальчик пионер и сказочный персонаж преклонных лет, а в диалоге (4) – работник МАССОЛИТа и «повелитель сил Тьмы». Очевидно, что у таких разных коммуникантов будут разные картины мира, что можно рассматривать в качестве фактора, способствующего КН.

Синтаксическая многозначность

В данной работе под синтаксической многозначностью, вслед за Н. А. Секериной, рассматриваются временно многозначные предложения, многозначность которых обусловлена ситуативным контекстом.

(9) Г1 = офицер; Г2 = барон Мюнхгаузен; Г1 получил приказ арестовать Г2 за самовольное объявление войны иностранному государству. *Г1: Вас приказано арестовать. В случае сопротивления приказано применить силу. Г2: Кому? Г1: Что «кому»? Г2:* ***Кому применить силу?*** *Вам или мне? Г1: Не понял? Г2: Может, послать переспросить? Г1: Это не возможно* (Горин, 2023).

Камнем преткновения в коммуникации офицера и барона явилось безличное предложение «В случае сопротивления приказано применить силу». Отсутствие указания на производителя действия очевидно приводит к многозначности, барон даже предлагает двух возможных (но не единственных) производителей действия «вам или мне?», тем самым косвенно указывая на многозначность полученной формулировки, то есть на ее неудачность.

(10) Разговор в фотоателье; Г1 = фотограф; Г2 = клиент; Г2 догадывается, что фотограф страдает алкоголизмом. *Г1:* ***На что будем сниматься?*** *– спросил фотограф. – Г2:* ***На рубли****, – ответил я, подумав, что здесь принято расплачиваться натуральным продуктом. – Г1: Значит, в профиль? – фотограф посмотрел на меня уважительно. – Как императора? Несколько секунд я пытался уловить точку пересечения наших измерений. – Г2: Нет. Не мое изображение на рубли. Это рановато. Мне нужны фотографии на пропуск, два на три сантиметра* (Борисов, 1999).

Необычный ответ на вопрос вызван знанием клиента (возможно, ложным) о вредной привычке фотографа. Обычно на этот вопрос отвечают «на паспорт /на права/ на студенческий» и т. д., то есть на документ. Из-за своего убеждения в пристрастии фотографа клиент отвечает «на рубли», а не, например, «за бутылку». Теперь уже фотограф неправильно понял клиента. Он предположил, что его посетитель желает поместить свой портрет на рублевые банкноты, как это делали государственные мужи. Такие портреты зачастую выполнялись в профиль, с чем связано уточнение в вопросе фотографа. Вопрос озадачил посетителя, однако в итоге он понял, какой смысл был вложен фотографом в его высказывание.

(11) *Аннунциата. Доктор,* ***он сейчас купил целый лоток леденцов****. – Ученый. Но ведь я роздал леденцы уличным мальчишкам. – Аннунциата. Все равно!* ***Разве больному можно покупать сладости?*** (Шварц, 2010).

(12) *Министр финансов. Лакеи!* ***Обнять ее!*** *Лакеи обнимают Юлию.* ***Болваны! Я хочу обнять ее.*** *Так. Дорогая Юлия, спасибо. Завтра же приказом по канцелярии я объявлю себя вашим главным покровителем.* Министр финансов полностью парализован. Лакеи выполняют по его приказу все его телодвижения (Шварц, 2010).

Синтаксическая многозначность, которая в примерах (9 – 12) приводит к КН, вызвана недостаточной степенью развернутости высказываний отправителей сообщений. Примечательно, что если в случае качественно-количественной многозначности ответственность за КН делили адресант и адресат высказывания, то в случае многозначности синтаксических конструкций причина негативного эффекта коммуникации – речевое действие отправителя. Ведь то, что подразумевалось под фразой *«В случае сопротивления приказано применить силу»* в (9), можно было выразить однозначно, например: «В случае [Вашего] сопротивления [аресту] [гвардии

герцога] приказано применить [к Вам] силу [и арестовать]». Выразившись подобным образом, офицер, возможно, не смог бы избежать КН (принимая во внимание конфликтный характер коммуникативной ситуации), однако синтаксическая многозначность уже не была бы ее причиной. Похожим образом можно смоделировать потенциально удачный вариант фразы *«На что будем сниматься»* в примере (10). Чтобы избежать начала развития КН, можно было бы выразиться «Для какой цели Вам понадобится Ваша фотография?». В ответе не было бы многозначности, если бы вместо *«На рубли»* было сказано *«Я расплачусь рублями»*. Рассмотренное речевое поведение демонстрирует отклонение от постулатов количества и способа П. Грайса: не давать слишком мало информации, сообщать информацию ясно (избегать непонятных, неоднозначных выражений, быть лаконичным и организованным) (Grice, 1975).

Референциальная многозначность

Отталкиваясь от утверждения В. К. Прокопени о том, что референциальная неоднозначность возникает тогда, «когда сразу несколько референтов могут претендовать на роль антецедента местоимения» (6), считаем возможным применить его более широкое толкование: референциальная неоднозначность возникает тогда, когда сразу несколько референтов могут претендовать на роль антецедента местоимения или имени существительного с ослабленной сигнификативной функцией. Данную экстраполяцию обосновывает проанализированный материал.

(13) – *Надел что было, потому что спешил в ресторан к Грибоедову. Врач вопросительно посмотрел на Рюхина, и тот хмуро пробормотал: – Ресторан так называется. – Ага, – сказал врач, – а почему так спешили? Какое-нибудь деловое свидание? – Консультанта я ловлю, – ответил Иван Николаевич и тревожно оглянулся. – Какого консультанта? – Вы* ***Берлиоза*** *знаете? – спросил Иван многозначительно. – Это... композитор? Иван расстроился. – Какой там композитор? Ах да, да нет! Композитор – это однофамилец Миши Берлиоза!* (Булгаков, 2017).

В ходе беседы врача и Бездомного последний неоднократно использует собственные имена, которые в контексте имеют референцию, не совпадающую с воспринимаемой собеседником: *«спешил в ресторан к Грибоедову»*, *«Вы Берлиоза знаете?»*. Оказывается, что Иван имеет в виду не писателя, а названный в его честь ресторан, а Берлиоз не композитор, а коллега Бездомного. Заметим, что Иван сразу же поправляется, объясняя, что и кого имеет в виду, с целью избежать КН.

(14) *Генрих. Которая? А! Та! Пошла отсюда прочь,* ***Баронесса,*** *или я завтра же тебя зарежу. – Третья придворная дама. Ах!* (Падает в обморок. Все придворные дамы ее окружают). *Возмущенные возгласы. – Грубиян! Нельзя резать* ***баронессу!*** *Невежа! Это некрасиво – резать* ***баронессу!*** *Нахальство! Это неприлично – резать* ***баронессу!*** *– Первая придворная дама* (торжественно подходит к принцессе). *Ваше высочество! Запретите этому ... этому поросенку оскорблять придворных дам.* Генрих – свинопас. Баронесса с большой буквы – свинья (Шварц, 2010).

Как видим, «вклад» в референциальную многозначность может вносить устный способ передачи сообщения. Генрих угрожает зарезать *Баронессу,* имея в виду свинью с таким именем, а придворные дамы думают, что речь идет о человеке с таким титулом. Если бы общение было письменным, то они бы увидели, что слово «Баронесса» написано с большой буквы и, следовательно, это не титул, а имя (что скорее привело бы их к выводу о том, что речь идет не о человеке, а о свинье).

(15) Лиля (= Г1), девочка одиннадцати лет, передает содержание детектива отцу (= Г2). *Г1: Там главная героиня приехала в отпуск в санаторий, а в санатории произошло убийство, и вот героиня, а она в милиции работает, предлагает местной милиции свою помощь,* ***а они от нее отказались, и она обиделась.*** *Г2:* ***Кто обиделась, милиция или помощь?*** *– поддел я, подумав, что надо будет в свободное время потренировать Лилю в части изложения прочитанного, чтобы не забывала об именах собственных и существительных и не пользовалась бесконечными «она», «он», «этот»* (Маринина, 1997).

«Кто обиделась, милиция или помощь?» – справедливо интересуется получатель сообщения «...предлагает местной милиции свою **помощь,** а **они** от **нее** отказались, и **она** обиделась». Здесь

же автор высказывания анализирует причины возникшей многозначности, размышляет о способах ее предотвращения в ответ на фразу с избыточным использованием местоимений.

Если в случае качественно-количественной многозначности речь шла об оттенках значения (например: потрясти – удивить и обрадовать или удивить и огорчить), то в случае референциальной многозначности об оттенках говорить не приходится: нельзя быть Берлиозом в большей или меньшей степени. И если в случае качественно-количественной многозначности главным фактором, приводящим к КН, является разница между картинами мира собеседников, то в случае референциальной многозначности это одновременно отсутствие знания у адресата сообщения об обсуждаемой теме и незнание адресантом факта отсутствия этого знания.

Выводы

В исследовании представлена классификация многозначности в речи, специфичность которой заключается в том, что она описывает случаи, относящиеся к негативному эффекту многозначности – коммуникативной неудаче.

Для случаев, когда собеседники вкладывают в один и тот же лексико-семантический вариант слова разные смыслы, был предложен термин «качественно-количественная многозначность». Установлено, что качественно-количественная многозначность возникает из-за разницы картин мира собеседников, которая, в свою очередь, объясняется различиями социальных, гендерных, возрастных и прочих характеристик. Референциальная многозначность в нашем материале представлена случаями, когда собственное имя соотносится участниками коммуникации с разными референтами, причем один из референтов, как правило, общеизвестен и поэтому предсказуем, а другой входит в пресуппозитивные знания говорящего, но не адресата. Синтаксическая многозначность является следствием двусмысленности синтаксических конструкций из-за недостаточной развернутости высказывания (по П. Грайсу – из-за нарушения постулатов способа и количества в коммуникации). Таким образом, проблема многозначности в коммуникации рассмотрена на лексическом и синтаксическом уровнях.

К причинам возникновения многозначности, приводящей к КН, относится не только разница в картинах мира, групповых и индивидуальных, о чем было сказано выше. Некоторые примеры демонстрируют небрежность, естественную в устной разговорной речи. С собственно языковой точки зрения зонами риска являются широкозначные слова, слова с ослабленной сигнификативной функцией.

В художественном материале, на котором основывалось исследование, сбой в общении персонажей запланирован автором, является одним из приемов комического. Для решения задач настоящего исследования в отношении некоторых диалогических единств (9 и 10) были смоделированы альтернативные, гипотетические успешные с коммуникативной точки зрения речевые фрагменты. Основным принципом моделирования было устранение многозначности, выявляющее лингвистическую природу данного явления.

Важно отметить, что не все рассмотренные примеры являются «свершившимися» КН, некоторые из диалогов стоит рассматривать как неудачи потенциальные. Однако в рамках данной работы последние представляют едва ли не больший интерес, чем случившиеся. Поскольку одной из задач работы являлось изучение причин коммуникативного неуспеха, важным результатом было бы справедливо считать понимание того, каким образом стоит избегать или нивелировать негативный эффект необдуманного использования лексических единиц и синтаксических конструкций, относящихся к зонам риска. В проанализированном примере (13) многозначность почти сразу снимается собеседниками путем идентификации референта. В (12) синтаксическая многозначность снимается переводом безличного предложения в двусоставное, с эксплицированным субъектом желаемого действия.

Можно утверждать, что многозначность имеет выраженное свойство вызывать КН. В случае возникновения КН из-за многозначности ответственность за неуспех коммуникации зачастую лежит на отправителе сообщения, который выразился недостаточно ясно.

Источники

Бондарко Л. В. и др. (1996) Прикладное языкознание. СПб., Изд-во СПбГУ, 528 с.
Борисов А. Ф. (1999) Будем сниматься? Литературная газета, № 4, с. 13.
Булгаков М. А. (2017) Мастер и Маргарита. СПб., Верже, 311 с.
Вампилов А. В. (1999) Прошлым летом в Чулимске. М., Согласие, 17 с.
Голетиани Л. (2003) Коммуникативная неудача в диалоге. На материале русского и украинского языков. München, Sagner, 412 с.
Горин Г. И. (2023) Тот самый Мюнхгаузен и другие киносценарии. М., Изд-во Т8, 410 с.
Зощенко М. М. (1978) Преступление и наказание. В кн.: Михаил Зощенко. Избранное в 2 т. Т. 2. Ленинград, Художественная литература, 944 с.
Карасик В. И. (2011) Языковая личность как предмет изучения антропологической лингвистики. Известия ВГПУ, № 8, с. 109–115.
Лагин Л. И. (2015) Старик Хоттабыч. М., Махаон, 368 с.
Маринина А. (1997) Черный список. М., Эксмо-пресс, 320 с.
Полякова С. Е. (2012) Понятие и причины возникновения коммуникативных неудач. Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, т. 7, № 1, с. 83–92.
Потемкин А. А. (1994) Коммуникативные неудачи при идентификации референта. Дис. ... канд. филол. наук. М., 160 с.
Прокопеня В. К. (2016) Особенности обработки и интерпретации предложений с референциальной неоднозначностью. Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, № 1, с. 21–30.
Секерина Н. А. (1996) Американские теории синтаксического анализа предложения в процессе понимания. Вопросы языкознания, № 3, с. 100–137.
Стернин И. А. (2001) Введение в речевое воздействие. Воронеж, Истоки, 266 с.
Теплякова Е. К. (1998). Коммуникативные неудачи при реализации речевых актов побуждения в диалогическом дискурсе (на материале современного немецкого языка). Дис. ... канд. филол. наук. Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 158 с.
Шварц Е. Л. (2010) Голый король. В кн.: Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. М., Книговек, 426 с.
Шварц Е. Л. (2010) Обыкновенное чудо. В кн.: Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. М., Книговек, 426 с.
Шварц Е. Л. (2010) Тень. В кн.: Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. М., Книговек, 426 с.
Banks S. P., Ge G., Baker J. (1991) Intercultural Encounters and Miscommunication. In: Miscommunication and problematic talk. Newbury Park, Sage, pp. 103–120.
Bell A. (1991) Hot Air: Media, Miscommunication and the Climate Change Issue. In: Miscommunication and problematic talk. Newbury Park, Sage, pp. 259–282.
Coupland J., Nussbaum J.F., Coupland N. (1991) The Reproduction of Aging and Agism in Intergenerational Talk. In: Miscommunication and problematic talk. Newbury Park, Sage, pp. 85–102.
Coupland N., Wiemann J.M., Giles H. (1991) Talk as “problem” and communication as “miscommunication”: An integrative analysis. In: Miscommunication and problematic talk. Newbury Park, Sage, pp. 1–17.
Eisenberg E. M., Phillips S. R. (1991) Miscommunication in Organizations. In: Miscommunication and problematic talk. Newbury Park, Sage, pp. 244–258.
Gass S., Varonis E. (1985) Task variation and normative/normative negotiation of meaning. In: Input in second language acquisition. Rowley, Newbury House, pp. 149–161.
Gass S., Varonis E. (1991) Miscommunication in Normative Speaker Discourse. In: Miscommunication and problematic talk. Newbury Park, Sage, pp. 121–145.
Grice H. P. (1975) Logic and conversation. In: Syntax and semantics, vol. 3, ed. by P. Cole and J. L. Morgan, New York, Academic Press, pp. 41–58.
Henley N. M., Kramarae C. (1991) Gender, Power, and Miscommunication. In: Miscommunication and problematic talk. Newbury Park, Sage, pp. 18–43.
Ochs E. (1991) Misunderstading Children. In: Miscommunication and problematic talk. Newbury Park, Sage, pp. 44–60.

References

Banks S. P., Ge G., Baker J. (1991) Intercultural Encounters and Miscommunication. In: Miscommunication and problematic talk. Newbury Park, Sage, pp. 103–120.
Bell A. (1991) Hot Air: Media, Miscommunication and the Climate Change Issue. In: Miscommunication and problematic talk. Newbury Park, Sage, pp. 259–282.
Bondarko L. V. et al. (1996) Prikladnoe yazykoznanie [Applied linguistics]. St. Petersburg, SPbGU Publishing House, 528 p. (In Russian).
Borisov A. F. (1999) Budem snimat’sya? [Shall we take pictures of you?]. Literaturnaya gazeta – Literary newspaper, no. 4, p. 13 (In Russian).
Bulgakov M. A. (2017) Master i Margarita [Master and Margarita]. St. Petersburg, Verzhe Publ., 311 p. (In Russian).
Coupland J., Nussbaum J.F., Coupland N. (1991) The Reproduction of Aging and Agism in Intergenerational Talk. In: Miscommunication and problematic talk. Newbury Park, Sage, pp. 85–102.

Coupland N., Wiemann J.M., Giles H. (1991) Talk as “problem” and communication as “miscommunication”: An integrative analysis. In: Miscommunication and problematic talk. Newbury Park, Sage, pp. 1–17.
Eisenberg E. M., Phillips S. R. (1991) Miscommunication in Organizations. In: Miscommunication and problematic talk. Newbury Park, Sage, pp. 244–258.
Gass S., Varonis E. (1985) Task variation and normative/normative negotiation of meaning. In: Input in second language acquisition. Rowley, Newbury House, pp. 149–161.
Gass S., Varonis E. (1991) Miscommunication in Normative Speaker Discourse. In: Miscommunication and problematic talk. Newbury Park, Sage, pp. 121–145.
Goletiani L. (2003) Kommunikativnaya neudacha v dialoge. Na materiale russkogo i ukrainskogo yazykov [Communicative failure in dialogue. On the material of Russian and Ukrainian languages]. München, Sagner, 412 p. (In Russian).
Gorin G. I. (2023) Tot samyj Myunhgauzen i drugie kinoscenarii [The very same Munchausen and other screenplays] Moscow, T8 Publ., 410 p. (In Russian).
Grice H. P. (1975) Logic and conversation. In: Syntax and semantics, vol. 3, ed. by P. Cole and J. L. Morgan, New York, Academic Press, pp. 41–58.
Henley N. M., Kramarae C. (1991) Gender, Power, and Miscommunication. In: Miscommunication and problematic talk. Newbury Park, Sage, pp. 18–43.
Karasik V. I. (2011) Yazykovaya lichnost’ kak predmet izucheniya antropologicheskoj lingvistiki [Linguistic personality as a subject of study of anthropological linguistics]. Izvestiya Voronezh State Pedagogical University, no, 8, pp. 109–115 (In Russian).
Lagin L. I. (2015) Starik Hottabych [Old Man Hottabych]. Moscow, Mahaon Publ., 368 p. (In Russian).
Marinina A. (1997) Chyornyj spisok [Black list]. Moscow, Eksmo press, 320 p. (In Russian).
Ochs E. (1991) Misunderstading Children. In: Miscommunication and problematic talk. Newbury Park, Sage, pp. 44–60.
Polyakova S. E. (2012) Ponyatie i prichiny vozniknoveniya kommunikativnyh neudach [The concept and causes of communicative failures]. Pushkin Leningrad State University Journal, vol. 7, no. 1, pp. 83–92 (In Russian).
Potyomkin A. A. (1994) Kommunikativnye neudachi pri identifikacii referenta [Communicative failures in referent identifying]. Dis. ... Cand. Philol. Sci. Moscow, 160 p. (In Russian).
Prokopenya V. K. (2016) Osobennosti obrabotki i interpretacii predlozhenij s referencial’noj neodnoznachnost’yu [Features of processing and interpretation of sentences with referential ambiguity]. Perm University Herald. Russian and Foreign Philology, no. 1, pp. 21–30 (In Russian).
Sekerina N. A. (1996) Amerikanskie teorii sintaksicheskogo analiza predlozheniya v processe ponimaniya [American theories of sentence syntactic analysis in the process of understanding]. Voprosy Jazykoznanija, no. 3, pp. 100–137 (In Russian).
Shvarts E. L. (2010) Golyj korol’ [Naked king]. In: Collected Works: In 5 volumes. Vol. 2. Moscow, Knigovek Publ., 426 p. (In Russian).
Shvarts E. L. (2010) Obyknovennoe chudo [Common miracle]. In: Collected Works: In 5 volumes. Vol. 2. Moscow, Knigovek Publ., 426 p. (In Russian).
Shvarts E. L. (2010) Ten’ [Shadow]. In: Collected Works: In 5 volumes. Vol. 2. Moscow, Knigovek Publ., 426 p. (In Russian).
Sternin I. A. (2001) Vvedenie v rechevoe vozdejstvie [Introduction to speech impact]. Voronezh, Istoki Publ., 266 p. (In Russian).
Teplyakova E. K. (1998) Kommunikativnye neudachi pri realizacii rechevyh aktov pobuzhdeniya v dialogicheskom diskurse (na materiale sovremennogo nemeckogo yazyka) [Communicative failures in the implementation of speech acts of inducement in dialogic discourse (on the material of modern German)]. Dis. ... Cand. Philol. Sci. Derzhavin Tambov State University, 158 p. (In Russian).
Vampilov A. V. (1999) Proshlym letom v Chulimske [Last summer in Chulimsk]. Moscow, Soglasie Publ., 17 p. (In Russian).
Zoshchenko M. M. (1978) Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment]. In: Mikhail Zoshchenko: Selected Works in 2 volumes. Vol. 2. Leningrad, Hudozhestvennaya literatura Publ., 944 p. (In Russian).

Информация об авторе

Стрекалов Дмитрий Александрович
Аспирант кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций.
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0009-0000-2667-7325.
E-mail: paperbacknowriter@gmail.com

Autor’s information

Dmitriy A. Strekalov
Postgraduate student of the Department of Russian Language, Literature and Documentary Communications. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0009-0000-2667-7325.
E-mail: paperbacknowriter@gmail.com